

Михаил СЕРЯКОВ

ОДНЕСЕН ВАРЯЖСКОЙ РУСЬ

Неведомая Русь

Михаил Серяков

Одиссея варяжской Руси

«ВЕЧЕ»

2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Серяков М. Л.

Одиссея варяжской Руси / М. Л. Серяков — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Неведомая Русь)

Где и когда возник русский народ? Этот сложнейший вопрос вот уже несколько столетий волнует отечественных историков. Даже автор средневековой летописи «Повесть временных лет» начал свой труд фразой: «Откуда есть пошла Русская земля». Для решения этого вопроса нам придется не раз пересечь Балтийское море из конца в конец. Путь наш пройдет не только в пространстве, но и во времени. Одиссею потребовалось десять лет скитаться по морю, чтобы вернуться в родную Итаку. Переселения же целого народа на протяжении его долгой исторической судьбы могут занимать века и даже тысячелетия. Чтобы проследить народные странствия по водам Балтийского моря, нам понадобится необычный корабль. Нос его украшен бычьей головой, а на мачте сидит грифон. Когда ветер наполнит парус, мы сможем выплыть на просторы времени. Путь наш будет нелегок и долог, но высока будет и награда – мы, хотя бы в общих чертах, узнаем подлинную историю нашего народа за тысячелетия до официально принятой даты основания Древнерусского государства.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© Серяков М. Л., 2015
© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Вступление	5
Глава 1	8
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

М.Л. Серяков

Одиссея варяжской Руси

Вступление

Где и когда возник наш народ? Эта глобальная проблема вот уже почти тысячу лет волнует отечественных историков. «Откуда есть пошла Русская земля» – вот был первый вопрос, с которого автор «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) начал свою летопись в Средние века. Однако четкого ответа на поставленный им же самим вопрос ее автор так и не дал. Причина этого не в последнюю очередь заключается в том, что данный труд создавался монахом в XII в. в условиях кардинального разрыва правящей на Руси верхушки со всей предшествовавшей духовной традицией своего народа, произошедшего в 988 г., и господства приверженцев новой веры в сфере письменности. В силу этого всей правды о происхождении своего народа, которая так или иначе была неразрывно связана с языческой религией, христианский летописец не мог, да и, наверное, не хотел сказать. Но и это было еще не все: первоначальную летопись впоследствии правили другие монахи, а затем, когда религиозный аспект отошел уже на второй план, этот вопрос еще более осложнился политическими мотивами, переросшими в целую историографическую традицию. Все эти обстоятельства объясняют, почему в дошедших до нас отечественных источниках мы не найдем исчерпывающего ответа на интересующий нас вопрос. На протяжении почти целого тысячелетия вся правда о происхождении нашего народа была и остается невыгодна слишком многим силам, стремившимся всячески извратить ее и внедрить этот искаженный образ в массовое сознание.

Помочь решению этого вопроса нам может только тщательный анализ всех сохранившихся источников. Поскольку, согласно одной из версий, изложенной в древнерусской летописи, варяжская Русь была призвана из-за моря, под которым летописец понимал море Балтийское, наше исследование будет посвящено той части источников, которая упоминает русов на Севере. В предыдущей книге «Загадки римской генеалогии Рюриковичей» нами был рассмотрен комплекс данных, относящихся к упоминанию русов в Польском Поморье на границе с пруссами. В этой книге мы обратимся к тем сведениям, которые относятся к трем другим центрам русов на побережье Варяжского моря, а именно на территории современной Прибалтики, Северной Германии и в землях ильменских словен. В свете северной локализации Руси исключительно важное значение для разрешения вопроса о ее происхождении имеет германо-скандинавская традиция, созданная нашими западными соседями на этом море. Значимость ее еще более возрастает в свете неполноты отечественной традиции. Однако с ее изучением в русской историографии сложилась парадоксальная ситуация. Одним из наиболее ранних источников, описывающих к тому же древнейшую историю Руси на Балтике, являются «Деяния данов» Саксона Грамматика. Об этом труде упоминал В.Н. Татищев, первый отечественный историк в современном смысле слова. Но уже один из первых норманистов А.Л. Шлецер, настаивавший на скандинавском происхождении Рюрика, категорически отверг скандинавские саги, называя их «безумными сказками», «беспрестанной глупостью», «легковесными и глупыми выдумками», которые необходимо выбросить из русской истории, а не использовать в качестве одного из источников для ее изучения. Призыв был услышан, и другой выдающийся отечественный историк Н.М. Карамзин назвал известия датского хрониста о Руси сказками, недвусмысленно указав на их происхождение: «Саксон Грамматик выдумывал...»¹ Авторитет автора «Истории государства Российского» был весьма велик, и отрицательное отношение к «Деяниям данов»

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. СПб., 1818. С. 48, примеч. 106.

прочно укоренилось в отечественной историографии. Понять причину гиперкритичного отношения норманистов к труду Саксона Грамматика легко – ниже мы увидим, что даже в случае частичного принятия его данные не оставляют камня на камне от их гипотезы. Сложнее понять причину игнорирования его труда со стороны антинорманистов. Скорее всего, она заключается в том, что сведения, содержащиеся в «Деяниях данов», не вписывались и в их теоретические концепции. В результате на протяжении уже трех столетий труд Саксона Грамматика не только критически не изучен, но даже не переведен полностью на русский язык. В данном исследовании мы постараемся хотя бы частично восполнить данный пробел и определить достоверность известий о Руси Саксона Грамматика путем сопоставления их с другими, независимыми от него данными.

Весьма похожая ситуация сложилась и с мекленбургскими генеалогиями, в которых упоминались Рюрик и его братья. Эти генеалогические таблицы были известны еще первому поколению отечественных историков, но стараниями норманистов опять-таки были выведены из числа источников для изучения проблемы происхождения Руси. На русском языке эти генеалогии, да и то частично, были впервые опубликованы в 2004 г. В.И. Меркуловым. Изучая эту тему, он столкнулся с неожиданным препятствием – в редкой книге И. Хюбнера первой трети XVIII в., хранящейся в Государственной публичной исторической библиотеке, кто-то вырвал именно те страницы, на которых описывалась генеалогия королей вандалов, вендов и ругов². Причины подобных действий очевидны: совершающие их хорошо понимают, что введение в научный оборот столетиями замалчивавшихся данных неизбежно приведет к крушению многих устоявшихся догм и всеми силами пытаются не допустить этого. Усилия тех, кто любой ценой стремится не допустить исследования всего комплекса данных о происхождении Руси привели к тому, что в 2003 г. А.Г. Кузьмин так охарактеризовал общее состояние проблемы: «Несмотря на исключительную важность вопроса о Балтийской Руси как для норманистов, так и антинорманистов, он остается, пожалуй, наименее изученным во всем комплексе проблем, связанных с образованием Древнерусского государства»³. По иронии истории именно норманисты, постулирующие скандинавское происхождение первых русов, всеми силами стараются замолчать часть германо-скандинавской традиции, противоречащей их концепции. Нечего и говорить, что подобный подход к источникам не имеет ничего общего с той научной объективностью, которой так любят кичиться представители данного направления. В силу ограниченности объема детальный анализ аргументов норманистов, на основании которых они строят свою картину истории Древней Руси, будет предпринят нами в следующей книге данной серии, а в этом исследовании основное внимание будет уделено игнорируемому им данным.

Понятно, что к любым источникам, к какой бы традиции они ни принадлежали, необходимо подходить взвешенно, определять степень их достоверности и лишь затем использовать в дальнейшем исследовании проблемы. Однако необходимая внутренняя и внешняя критика источников не должна подменяться гиперкритицизмом или замалчиванием. Ценность германо-скандинавской традиции состоит в том, что она хоть и фрагментарно, но хотя бы отчасти восполняет наши сведения о предыстории варяжской Руси, о чем почти полностью умалчивает отечественное летописание. В сочетании с последними открытиями в сфере самых разнообразных наук эти источники позволяют понять не только то, кем же на самом деле были летописные варяги и Рюрик, Синеус и Трувор, но и восстановить предысторию призвания первых князей, а также проследить истоки их происхождения. Более того: на основе анализа всех имеющихся источников можно поставить и решить гораздо более сложные и глобальные вопросы, а именно определить, где и когда наши далекие предки впервые появились на бере-

² Меркулов В.И. Немецкие генеалогии как источник по варягорусской проблеме // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003. С. 141.

³ Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003. С. 268.

гах Балтийского моря и где находилась изначальная прародина Руси, то место, где впервые возникло имя нашего народа.

Для решения всех этих вопросов нам придется не раз пересечь Балтийское море из конца в конец. Путь наш пройдет не только в пространстве, но и во времени. Одиссею потребовалось десять лет скитаться по морю, чтобы вернуться в родную Итаку. Переселения целого народа на протяжении его долгой исторической судьбы могут занимать века и даже тысячелетия. Чтобы проследить их странствия по водам Балтийского моря, нам понадобится корабль. Корабль для нашего путешествия будет не вполне обычен – нос его украшен бычьей головой, а на мачте сидит грифон. Когда ветер надует его парус, мы на нем сможем тронуться в путь через просторы моря и времени. Путь наш будет нелегок и долг, но высока будет и награда – возможность хотя бы в общих чертах узнать подлинную историю нашего народа за тысячелетия до официально принятой даты основания Древнерусского государства.

Глава 1

Первое забытое русское королевство

Автором «Деяний данов» был Саксон Грамматик (1140 – ок. 1208). Свое произведение (рис. 1) он довел до 1185 г. Таким образом, труд датского историка практически синхронен отечественной ПВЛ, заканчивающейся 1117 г., и, следовательно, должен рассматриваться как примерно равнозначный ей исторический источник. Оговорка «примерно» здесь употреблена не случайно: в отличие от древнерусской летописи в хронике Саксона Грамматика отсутствует годовая сетка, что, естественно, затрудняет датировку описанных в ней событий. С другой стороны, если народные предания были помещены автором ПВЛ в сравнительно небольшую недатированную часть, то древние скандинавские сказания занимают в «Деяниях данов» целых девять первых книг этого труда. Кроме того, что весьма важно, хроника Саксона Грамматика не подвергалась такому количеству редактирований, как отечественная летопись. Наконец, в отличие от подавляющего большинства других древних иностранных источников, содержащих единичное упоминание русов, на страницах «Деяний данов» русы упоминаются многократно. Понятно, что Саксон Грамматик говорит о них лишь в связи с датской историей, однако на основании целого ряда сведений можно еще попытаться построить какую-то картину, хоть и неизбежно фрагментарную, но на основании одного-единственного известия это сделать вообще невозможно.

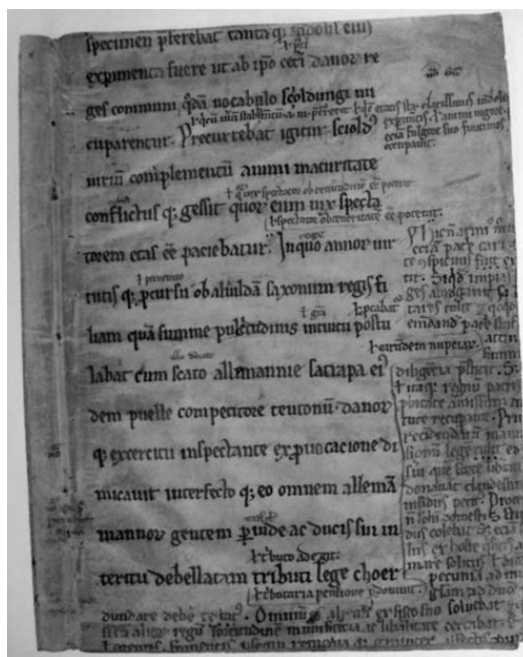

Рис. 1. Первый лист хроники Саксона Грамматика «Деяния данов»

Поразительно, но эта средневековая хроника, содержащая ценные известия о древнейшей истории русов, не говоря уже про сведения по истории данов и балтийских славян, ни разу не была полностью переведена на русский язык. Для сравнения отметим, что труд Саксона Грамматика впервые был издан в Париже в 1514 г. и с тех пор неоднократно издавался на различных европейских языках. Именно из нее Шекспир взял сюжет своего «Гамлета». О причинах подобного пренебрежительного отношения в нашей стране к единственному источнику, хоть как-то освещающему древнейшую историю русов, было сказано выше. Да, сообщаемые

о русах Саксоном Грамматиком сведения весьма необычны и не соответствуют наиболее распространенным представлениям о происхождении нашего народа. Однако подлинность самой хроники, равно как и время ее написания в XII в., сомнений не вызывает, что, по крайней мере с формальной стороны, делает ее надежным историческим источником. Сомнение исследователей вызвала фактическая достоверность сведений о русах Саксона Грамматика, а точнее, достоверность устной эпической традиции данов, на которую и опирался наш автор. Однако, как показывают многочисленные исследования эпосов различных народов, этот вид народного творчества может многократно преувеличивать произошедшие события, путать хронологию, но не выдумывает события на пустом месте. Хотя эпос и требует к себе критического отношения, однако он все равно является историческим источником, пусть и достаточно специфичным. И если ученые в большинстве своем относятся с доверием к древнейшей недатированной части ПВЛ, восходящей к устным народным преданиям о расселении славян с Дуная, основанию Киева и хазарской дани, то логика исторического исследования требует от нас не отмахиваться от древнейшей, восходящей к устной эпической традиции, части «Деяний данов», а попытаться найти и в ней зерно исторической действительности.

Впервые на страницах хроники русы упоминаются в связи с походом на Восток датского короля Фротона I (Frotho). Напав сначала на землю куршей (*лат.* Curetum, в английском переводе – the region of the Kurlanders), датчане двинулись дальше: «Пройдя вперед, Фротон напал на Траннона, правителя народа рутенов (*лат.* Trannonem Rutene gentis tyrannum, в английском переводе – Trannon, the monarch of the Ruthenians). Разведав их морские силы, он сделал многочисленные гвозди из дерева и нагрузил ими лодку. Ночью, подойдя к вражескому флоту, он пробуравил сверлом нижние части судов. Чтобы волны раньше времени не захлестнули отверстия, он заделал отверстия гвоздями. Когда он счел, что вражеские суда получили достаточно скважин, чтобы затопить их, он вынул гвозди и открыл доступ воде, а тем временем его войско окружило вражеский флот. Двойная угроза обрушилась на рутенов. Устояв перед волнами, они, бегущие, наткнулись на оружие. Они погибали от кораблекрушения в то время, когда надеялись отомстить неприятелю за причиненный урон. Внутренняя опасность оказывалась ужасней внешней. Едва их оружие соприкасалось с неприятельским, как они погибали от волн. С обеих сторон им грозила гибель. И было неясно, искать ли им спасения, бросаясь вплавь, или защищать себя с оружием в руках. Такой поворот судьбы вынудил их прекратить борьбу в самом разгаре. Двойная смерть грозила от одного нападения, двумя путями устремлялись они ей навстречу. И было неясно, что более действовало, оружие или волны. Бесшумный поток волн выхватывал меч у того, кто сражался в бою, а того, кто боролся с волнами, пронзал несущийся навстречу меч. Стремнина вод окрашивалась потоками крови.

После этой победы над рутенами Фротон возвратился в отечество. Затем он направил послов на Русь (in Rusciam) для взимания дани. Но вероломные жители жестоко перебили послов. Возмущенный двойной обидой, он стеснил плотной осадой город Роталу (Rotalam). Для того чтобы легче преодолеть отделявший его от города водный поток, он разделил водную массу на множество протоков и превратил русло с неведомой глубиной в проходимые броды. Он перешел русло лишь тогда, когда стремительный водоворот, ослабленный разделением потока, умерил свое течение и из водоворота образовались крошечные отводы переходимых вброд протоков. Таким образом он преодолел реку, напал на город со своим войском и разорил его, лишенный природной защиты.

Следуя далее, он направил войско к Палтиске (Paltiscam). Убедившись, что силой город не взять, он прибегнул к хитрости. При небольшом числе свидетелей он удалился в укромное место и велел повсюду объявить, что он умер, дабы таким образом усыпить врага. Для убедительности было сооружено погребение с останками. Воины, знавшие о хитрости, провожали мнимого умершего со скорбью. Поверив этому слуху, царь города Веспасий (rex urbis Vespasius), когда победа была уже в его руках, оставил столь слабую и вялую оборону, что поз-

волил неприятелю вторгнуться в город и сам поплатился жизнью, предаваясь играм и развлечениям»⁴. Этот город датский король также взял с помощью хитрости.

Как видим, Саксон Грамматик в своем сочинении использует понятия «рутены» и «Русь» как взаимозаменяемые, точно так же, как их использовали и некоторые другие средневековые латиноязычные авторы. Уже первый фрагмент датского историка помещает рутенов-русов где-то по соседству с куршами – балтским племенем, жившем на западном побережье современной Латвии. Как следует из дальнейшего изложения, русы имели несколько городов, в том числе и неприступный Палтиск, а также морской флот, судя по всему, достаточно сильный, поскольку датчане предпочли потопить его с помощью хитрости, а не сразаться с ним в открытом бою. Насколько можно понять, правителем всего народа рутенов является Транши, однако при этом в городе Палтиске сидит отдельный царь. Если следовать этому описанию, то политическое устройство этой Прибалтийской Руси уже достаточно сложное и предполагало подчинение местных правителей верховному главе. Титул, которым Саксон Грамматик называет Траннона, мы рассмотрим ниже. Ротала, первый русский город, захваченный датчанами, перекликается с названием Роталии (*Rotalija*), приморской западной области современной Эстонии. Кроме того, название данного города однокорневое с понятием вселенского закона, известного у славян под именем *роты*. Представления наших предков о вселенском законе были рассмотрены автором в отдельном исследовании⁵, а здесь следует отметить еще три момента. Во-первых, способ образования названия города Ротала с помощью данного суффикса ближе всего оказывается к древнеиндийскому (ср. Патала), во-вторых, в наиболее ранних среднеперсидских произведениях иранский богатырь Рустам первоначально назывался Ротастахм⁶. В-третьих, в «Раффельштеттенском таможенном уставе», утвержденном восточнофранкским королем Людовиком IV между 902 и 907 гг., около Дуная в качестве одного из мест торговли русских купцов упоминается область роталариев (*in Rotalariis*). Весьма интересно, что совершенно независимый от Саксона Грамматика документ начала X в. также отмечает в сфере деятельности русских купцов топоним с корнем *рота*. Что касается второго города Палтиска (*Paltiscam*), то в нем видят обычно Полоцк, явно не существовавший в то время, в чем и усматривают недостоверность данного известия. Однако, как следует из исторической карты Латвии, составленной на основании средневековых письменных источников и напечатанной в Риге еще в XIX в., в самой Латвии есть целый ряд подобных названий. Во-первых, это город *Piltens* на реке Вента, причем рядом с ним обозначено место *Wendfawa*, название которого образовано от слова «венд». Поскольку уже готский историк Иордан при описании событий IV в. отмечает, что веныды – это славяне и именно этим именем называли славян германцы и финно-угоры, то подобное соседство весьма показательно. Кроме того, на территории Латвии на этой же карте встречаются три похожих названия *Peltschi* (ниже по течению реки), *Pilskaln* (ближе к границе с Литвой) и *Pilskalns*⁷. На карте Курляндии 1820 г. города Виндау, Пилтен и Голдинген (латышский Куддинг) располагаются на реке Виндау (Вента). Таким образом, города Прибалтийской Руси, с которыми вел войну Фротон I, находились в западных областях Латвии и Эстонии. Поскольку Саксон Грамматик именует противников датского короля то русами, то рутенами, следует отметить, что с последней формой соотносятся поселения Рутеники и Руте-

⁴ *Saxonis Grammatici. Gesta Danorum*, Strassburg, 1886. S. 40–41; при переводе также использовались английский перевод Saxo Grammaticus. The nine books of the Danish history. V. 1–2, 1905 и первый перевод на русский язык отдельных фрагментов, сделанный Е.Б. Кудряковой и опубликованный в Хрестоматии по истории России с древнейших времен до 1618 г. М., 2004. С. 83–89.

⁵ Серяков М.Л. Вселенский закон – незримая ось мироздания. М., 2005.

⁶ Брагинский И.С. Иранское литературное наследие. М., 1984. С. 36–37.

⁷ *Baltija...Kurseme un Widsemes latweeschu dafe Latweeschu Inrika laika 1200 un wehlaku lihds 1300 P.* Riga, 1890.

ниеки, расположенные южнее современной Риги. В последнем было обнаружено захоронение эпохи бронзы⁸.

Определив место, где происходили описанные события, нам теперь остается решить более сложный вопрос о времени, когда они происходили. Как уже говорилось, дат у Саксона Грамматика нет, и потому те немногие отечественные историки, которые обращались к этому эпизоду, датировали его по своему усмотрению. Ф.Л. Морошкин отнес это событие примерно к 600 г. до н. э., В.И. Меркулов – к I в. н. э., а А.Г. Кузьмин – к VII–VIII вв. н. э. Попробуем более точно определить время первого столкновения русов с данами. Фротон I упоминается у Саксона Грамматика в числе наиболее ранних датских конунгов, начинающих свою родословную от легендарного Дана. Эти события описываются им во второй книге хроники, в то время как в пятой книге речь будет идти о войне с гуннами тезки рассматриваемого правителя Фротона III. Между обеими Фротонами Саксон Грамматик упоминает семнадцать датских конунгов. Следовательно, поход Фротона I в Прибалтику произошел еще до н. э. С другой стороны, некоторые специалисты по скандинавской мифологии склонны отождествлять Фротона I Саксона Грамматика с Фроди Гордым, или Миролюбивым, сыном Дана Гордого из «Саги об Инглингах», а их обоих – со скандинавским богом Фрейром, при котором, согласно той же саге, «начался мир Фроди»⁹. Старшая Эдда так определяет эту эпоху: «Сына Фридлейва звали Фроди. Он принял власть от своего отца в то время, когда Август Цезарь установил мир во всем мире. Тогда родился Христос. И так как Фроди был самым могущественный из конунгов в северных странах, считают, что он установил мир всюду, где говорят на датском языке, и люди называют это “мир Фроди”»¹⁰. Понятно, что это достаточно поздняя и искусственная привязка, обусловленная стремлением скандинавских скальдов как-то соотнести время жизни своих богов, превратившихся с принятием христианства в обожествленных правителей древности, с рождением основателя новой религии. Очевидно, что возникновение культа языческих богов произошло у скандинавов задолго до возникновения христианства. Еще одной возможностью определить хотя бы примерное время интересующего нас события, является датировка древнейших прибалтийско-скандинавских контактов по археологическим данным. Как отмечают специалисты, в древностях Прибалтики фиксируется небольшая группа могильников, явно отличных от захоронений местного населения. Эти ладьевидные могилы, получившие в Латвии название «чертовы ладьи», встречаются на территории северной Курземы, то есть на территории упомянутых Саксоном Грамматиком куршей, а также в Эстонии на острове Саарема. Аналогичные могилы известны в Финляндии, Дании и Готланде, где их особенно много¹¹. Археологи рассматривают их как следы пребывания в Прибалтике скандинавов и датируют эти захоронения достаточно ранним периодом: «К середине бронзового века – периоду около 950–970 гг. до н. э. – относятся древние погребения скандинавского происхождения – “чертовы ладьи”...»¹² Судя по названию захоронений скандинавов у местного населения, отношения с пришельцами вряд ли были дружественными. Понятно, что говорить о городах в тот период не приходится, однако укрепленные городища уже вполне могли существовать. По археологическим данным, они появляются в Прибалтике на рубеже II–I тыс. до н. э.¹³

Еще одним источником, позволяющим датировать появление русов в Прибалтике является топонимика с корнем *рус-* в данном регионе. Впервые интересующее нас название упо-

⁸ Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 52.

⁹ Мелетинский Е.М. Фрейр // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 572; *Снорри Стурлусон*. Круг земной. М., 1995. С. 16, 23.

¹⁰ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 346.

¹¹ Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 121.

¹² Граудонис Я.Я. Эпоха бронзы и раннего железа на территории Латвии. Научный доклад. М., 1987. С. 18.

¹³ Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 119.

минается в «Естественной истории» древнеримского автора Плиния Старшего (23/24–79 н. э.). Обобщая сведения античных географов о Балтийском море, он писал: «Говорят, что в этих местах много островов без названий; Тимей рассказывает, что один из них, который называется Бавнония и на который в весеннее время приливами выносятся янтарь, (расположен) против Скифии и отстоит (от нее) на день пути; остальные берега неизвестны. Любопытна молва о Северном океане: от реки Парапанис, где она протекает по Скифии, Гекатей называет его Амальхийским, каковое имя означает на языке этого племени “замерзший”. По сообщению Филемона, отсюда до мыса Русбей кимвры называют его Моримарусой, т. е. Мертвым морем, а далее Кронийским...»¹⁴ Поскольку все эти географические названия больше не встречаются в античной литературе, их конкретная локализация достаточно затруднительна. Исходя из того, что в данном отрывке речь идет о янтаре, то с Бавновией (буквально Бобовый остров) предположительно отождествляется остров Эзель¹⁵. Поскольку мыс Русбей находится на границе Мертвого и Кронийского морей (так называли кимвры замерзающую и незамерзающую части Балтийского моря), то на основании современной карты среднегодовой границы замерзания Балтики Д.А. Мачинский и В.С. Кулешов предложили четыре варианта его локализации: два на территории Швеции и по одному на территории Финляндии и Латвии. Однако в этом же фрагменте неподалеку от интересующего нас мыса Плиний Старший упоминает и реку Парапанис, очевидно, достаточно крупную, чтобы какие-то известия о ней дошли до римлян. Однако из перечисленных выше четырех вариантов локализации мыса, находящегося на границе замерзания Балтики, неподалеку только от одного протекает достаточно крупная река. Это впадающая в Рижский залив Западная Двина. Недалеко от нее впадает в Балтийское море и Вента, однако она не столь велика, как Двина. Около трех других мысов нет крупных рек, впадающих в Балтийское море. Таким образом, Русбей может быть отождествлен с мысом Колка, находящимся на территории современной Латвии. Именно в непосредственной близости от этого мыса и жили курши. Подобная локализация вполне согласуется и с предположением тех исследователей, которые соотносили Бобовый остров с Эзелем. Соответственно, в приведенном выше фрагменте Плиния речь идет о Восточной Прибалтике, в которой последовательно описываются три географических объекта.

В следующем столетии данный регион упоминается в труде великого греческого ученого К. Птолемея: «И снова побережье Океана вдоль Вендского залива последовательно занимают вельты, выше их осии...»¹⁶ Из этого названия Балтийского моря следует, что славяне уже во II в. н. э. были на нем настолько заметной силой, что по их имени называлось само море. Весьма интересно и упоминание Птолемеем вельтов, которых современные исследователи, анализируя последовательность перечисления племен Восточной Европы античным географом, локализируют на территории современной Литвы¹⁷. Впоследствии это племя, проживавшее уже на территории современной Германии, было известно под именами велетабов и вильцев немецким хронистам, а в восточнославянском фольклоре слово *волот* стало обозначать великана. Правильность локализации птолемеевских вельтов в Восточной Прибалтике подтверждается данными топонимики – примерно на границе между современной Латвией и Литвой есть село Вилце, к северу от Риги на побережье есть Вилькине¹⁸, в Латгалии с 1293 г. известен поселок Виляка, Виляны впервые упоминаются в 1495 г.¹⁹, а в Сейском районе Латвии есть поселение Вилетея. Таким образом, мы видим, что уже при самом первом упоминании корня – *рус-* на

¹⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 1. М., 2009. С. 245.

¹⁵ Там же, примеч. 3.

¹⁶ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1994. С. 51.

¹⁷ Там же. С. 59.

¹⁸ Обзорная схематическая карта Латвийской ССР. Рига, 1982.

¹⁹ По Латгалии. М., 1975.

Балтийском море вместе с ним в том же регионе и почти в то же самое время фиксируются названия вендов и вельтов – особенность, которую мы и далее будем наблюдать на Варяжском море. Уже это обстоятельство говорит о славянском окружении, в котором отмечается интересующее нас понятие. Таким образом, мы видим, что рассказ Саксона Грамматика о походе данов в правлении Фротона I на Восток в древности в определенной степени подтверждается археологическими данными. Что же касается упоминания в «Деяниях данов» Прибалтийской Руси в ту эпоху, то задолго до написания этой хроники античный писатель Плиний Старший уже отмечал топоним с корнем – *рус-* в I в. н. э. на территории современной Латвии. На основании всех имеющихся данных мы можем заключить, что первое столкновение данов с русами действительно произошло в I тыс. до н. э.

Второй раз рутены появляются у Саксона Грамматика в связи с одним из моментов скандинавской мифологии. Великан Хед убивает сына Одина Бальдра. Финский прорицатель предсказывает Одину, верховному богу скандинавов, что от дочери рутенского царя Ринды (*Rinda, Ruthenorum regis filia*) у него родится сын, который отомстит за Бальдра. Один неузнанным поступает на службу к неназванному царю рутенов, но, несмотря на свершенные им подвиги, дочь царя не хочет выходить за него замуж. В конечном итоге Один заколдовывает ее, под видом знахаря берется лечить и овладевает ею. Сын Ринд действительно убивает Хеда, после чего еще раз появляется на страницах «Деяний данов». Саксон Грамматик сообщает, что скандинавскому конунгу Готеру было предсказано, что он погибнет в сражении с Боем, и это пророчество сбылось: «... он (Готер. – *М.С.*) погиб, столкнувшись в сражении с Боем (*Boign*). Победа не была более приятной и для Боя. Ведь он покинул строй столь тяжело раненный, что его вынесли на щите и, меняясь, принесли домой пехотинцы. На следующий день он умер от мучительных ран. Рутены похоронили его тело, приготовив великие похороны, и войско соорудило в его честь огромный холм, чтобы не исчезло из памяти потомков воспоминание о таком славном юноше»²⁰. Следует отметить, что сюжет с Риндой и ее сыном Боем во всей скандинавской традиции встречается только у Саксона Грамматика – во всех остальных ее вариантах мстителем за Бальдра выступает другой сын Одина Вали, никак не связанный с рутенами. Можно предположить, что здесь датский летописец использовал какие-то ставшие ему известными западнославянские мифы, сначала включив их в сюжет скандинавской мифологии, а затем соотнес имя Боя с историческими событиями. Эти события происходили в начале нашей эры, поскольку, по мнению некоторых историков, Готер жил примерно во II в. н. э. Следует отметить, что предания о Бое были зафиксированы и у белоруссов, у которых он считался князем и прародителем их народа. Весь этот комплекс мифов был рассмотрен в отдельном исследовании²¹. Здесь же отметим, что оба упомянутых в данном фрагменте «Деяний данов» имени встречаются в интересующем нас регионе: на северо-западе от Вентспилса есть озеро Ринда²², а на исторической карте Латвии зафиксирован топоним Војух²³.

В третий раз Русь упоминается в связи с описанием войны с гуннами. За то, что датский конунг Фротон III развелся с дочерью царя гуннов, последний заключил союз с королем Восточной страны Олимаром (*rege Orientalium Olimaro*). Союзники в течение двух лет готовятся к войне с данами. В свою очередь, Фротон III в преддверии решающей битвы набирает свое войско из данов, норвежцев и соседних славян. Он посылает своего советника Эрика разведать боевой порядок врагов, и тот нашел Олимара, получившего под свое командование флот, недалеко от Руси (*Ruscia*), в то время как царь гуннов ведет сухопутное войско²⁴. Рас-

²⁰ *Saxonis Grammatici. Gesta Danorum*. Strassburg, 1886. S. 78, 82.

²¹ Серяков М.Л. Забытый прародитель человечества. М., 2012.

²² Латвийская ССР. Туристская карта. М., 1963.

²³ Baltija... Kurseme un Widseme latweeschu dafē Latweeschu Inrika laika 1200 un wehlaku lihds 1300 P. Riga, 1890.

²⁴ *Saxonis Grammatici. Gesta Danorum*. Strassburg, 1886. S. 154–155.

сказывая королю об увиденном, Эрик говорит, что видел шесть королей, каждого со своим флотом, и каждый из этих флотов состоит из пяти тысяч кораблей, а на каждом корабле находится триста гребцов. По его совету Фротон III собрал свой флот и захватил острова, лежащие между Данией и Восточной страной. Проплыв дальше, они встретились с некоторыми кораблями флота рутенов (Rutene). Фротон III поначалу посчитал недостойным нападать на столь малые силы, однако Эрик убедил его громить врага по частям. После первой победы они встретились с основными силами противника на море: «После этого двинулись на Олимара, который из-за неповоротливости его массы предпочитал выдерживать натиск врага, а не наступать на него. Было замечено, что корабли рутенов сбились с порядка и плохо управляются из-за высокого расположения гребцов. К тому же большое количество сил не принесло им пользу. В самом деле, хотя численность рутенов была необычно велика, они отличались более числом, чем доблестью, и уступили победу крепкому меньшинству данов. Когда Фротон захотел вернуться назад в свое отечество, он пережил неслыханные препятствия на своем пути. Весь залив моря был покрыт многочисленными телами убитых не менее, чем обломками щитов и копий, разбросанных морским приливом. Из-за этого гавани были не только тесными, но и зловонными. Корабли задерживались, так как они увязали среди трупов. Невозможно было отогнать веслами или оттолкнуть копьем разлагавшиеся и плывущие вокруг тела, и вскоре после того, как одного отталкивали, другой, подкатившись, ударялся о корабль. И можно ли поверить, что развернулась война с убитыми, это была диковинная война против трупов». В результате этой битвы пали «все короли рутенов, кроме Олимара и Даго (Ruthenorum reges, Olimaro Dagoque exeptis)»²⁵.

Побежденным племенам Фротон III установил законы, касающиеся погребения павших в этой войне, оплаты воинов и правил заключения брака. Наибольший интерес для нас представляют законы, касающиеся захоронения павших рутенских воинов в зависимости от их общественного положения: «После этого Фротон созвал племена, которые победил, и определил согласно закону, чтобы всякий отец семейства, который был убит в этой войне, был предан захоронению под курганом со своим конем и всем снаряжением. (...) Тела же каждого центуриона или сатрапа должно было сжечь на воздвигнутых кострах в собственных кораблях. Тела рулевых должны были предаваться пламени по десяти на корабле, но каждый павший герцог или король должен был сжигаться на своем собственном корабле. Он пожелал, чтобы совершенно точно осуществлялись погребения павших, дабы не допустить одинаковых для всех погребений без различия»²⁶. Конечно, более чем сомнительно, чтобы датский конунг занимался установлением погребений побежденных племен, скорее всего, Саксон Грамматик просто описал известные ему погребальные обычаи рутенов, приписав их установление мудрой деятельности своего короля. Однако в свете того, что каждое трупосожжение в ладье на территории Восточной Европы норманисты трактуют как однозначно скандинавское, данное свидетельство скандинавского хрониста о существовании такого же ритуала у прибалтийских русов еще с гуннской эпохи представляет несомненный интерес.

После этой морской победы за Фротоном III следовал тридцать королей, «связанных с ним дружбой или повиновением». Поскольку содержание собранного им большого войска становилось все труднее, часть этих вассальных правителей датский король отправил собирать провиант в Норвегию, на Оркады и в Швецию, причем в последнюю был послан Олимар. При выполнении этого поручения он победил там не только трех местных королей, но также покорил Эстонию, Курляндию и Финляндию с островами, лежащими между ней и Швецией. Тем временем король гуннов собрал свои войска и двинулся на Фротона III. Когда противники сошлись, произошло решающее сражение: «Такая бойня началась в первый день этой битвы,

²⁵ Ibid. S. 155–156.

²⁶ Ibid. S. 156–157.

что три великие реки Руси (at praciui tres Ruscie fluiui) были засыпаны трупами наподобие мостов, став доступными и переходимыми»²⁷. На седьмой день битвы пал король гуннов, а сто семьдесят королей, служивших ему, сдались датчанам. После этой великой победы Фротон III распределил подвластные ему земли между покори́вшимися ему правителями, обложив их данью. Олимара он назначил в Холмгардию (Holmagardie), Онева – в Коногардию, Дату поручил управление эстами, а остальных королей назначил в Саксонию, Швецию, Лапландию и Оркадские острова. «Так королевство Фротона включало в себя Русь (Rusciam) на востоке, а на западе граница шла по Рейну»²⁸, – заключает Саксон Грамматик описание великой державы данов.

Чтобы оценить степень достоверности этого сообщения датского хрониста, необходимо принять во внимание ту атмосферу, в которой создавалась та сага, которая и легла в основу всего этого повествования. Если в славянских языках слово *обрыв*, как в древности они называли могущественных и злобных авар, стало нарицательным обозначением великанов, то типологически аналогичную картину мы видим и у германцев с той лишь разницей, что великанами они называли не авар, а гуннов. Так, в немецком языке название «исполина» или «великана» было образовано именно от имени этих азиатских кочевников (нов.-в. – нем. Hune²⁹). Понять причины этого можно: ворвавшись в Европу, эта первая волна азиатских кочевников разгромила сначала аланов, а затем и готов, считавшихся в германском мире образом доблести даже многие века спустя. Под их ударами пало королевство бургундов, а их натиск на живших около Балтийского моря германцев привел к тому, что германский вождь Радагаст, или Радагайс, в 404 г. повел на Рим огромную армию из готов, вандалов, свевов, бургундов, численность которой римские авторы оценивали в четыреста тысяч³⁰. Понятно, что эта оценка представляет собой некоторое преувеличение, но масштаб переселения германцев на юг в поисках спасения от гуннов был явно огромен. Столкновение с этими азиатскими кочевниками отразилось в эпосе различных германских народов: борьбе с гуннами посвящен ряд песен скандинавской Старшей Эдды, а история гибели Бургундского королевства легла в основу немецкого эпоса «Песнь о Нибелунгах».

Понятно, что во время всеобщего страха перед гуннами любая локальная победа над ними неизбежно превращалась в эпическом творчестве в эпохальную судьбоносную битву, в которой участвовали десятки, если не сотни королей, кровь лилась рекой, а трупы запруживали реки. Похожее мировосприятие мы видим века спустя во французском эпосе «Песнь о Роланде», сохранившего ощущение христианской империи, окруженной с юга и востока бесчисленным количеством враждебных ей мусульманских и языческих племен. Подобное ощущение «осажденной крепости» перед лицом более многочисленного и смертельно опасного врага вело к тому, что даже сравнительно небольшое столкновение, в котором погиб реальный Роланд, превратилось в посвященной ему «Песни» в битву со всеми мусульманскими силами Испании, продолжившуюся в решающем столкновении Карла Великого со всем исламским миром. Таким образом, если датчанам удалось в ту эпоху одержать победу над каким-нибудь гуннским отрядом, эта победа в их сагах неизбежно должна была разрастись до масштабов более подходящих описанию мировой войны, а не отдельного сражения. То, что Саксон Грамматик описывает войну с гуннами спустя семь столетий после того, как это племя было грозой всей Европы, неизбежно вызывает сомнение в точности излагаемых им фактов. Однако непосредственный современник тех событий и участник посольства к гуннам византийский писатель V в. Приск Панийский сообщает, что власть Агилы распространялась на «острова

²⁷ Ibid. S. 159.

²⁸ Ibid. S. 159–160.

²⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1967. С. 142.

³⁰ Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. Т. 3. М., 1997. С. 384; Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 362.

на Океане», под которыми современные исследователи понимают Датские острова³¹. Данное свидетельство современника показывает, что экспансия кочевников была устремлена не только на юг, но и на север Европы. Погребения гуннов или перенявших их культуру других племен начала V в. обнаружены около Кракова, Висбадена, Майнца, Вормса и Страсбурга³². Все это подтверждает известие датских саг о войне с гуннами. Поскольку активность Атиллы была обращена преимущественно сначала против Восточной, а затем и против Западной Римской империи и более или менее подробно была описана римскими авторами, а также принимая во внимание, что в «Деяниях данов» говорится о гибели в сражении гуннского короля, то Атиллы не мог быть воевавшим с данами правителем гуннов. Следовательно, описанная Саксоном Грамматиком война могла произойти до правления Атиллы, то есть во второй половине IV – начале V в., либо сразу после его смерти, когда в 454 г. подчиненные кочевникам германские племена восстали и их коалиция во главе с гепидами нанесла гуннам сокрушительное поражение в битве при Недао в Паннонии, в которой пал старший сын Атиллы Эллак. После этого гунны оставляют Центральную Европу и уходят в Причерноморские степи. Гибель в битве правителя гуннов совпадает с известием из «Деяний данов», однако однозначно отождествить это описание с битвой при Недао мешает как территориальная удаленность Паннонии от Дании, так и то, что Иордан не упоминает данов среди участников этой битвы.

Естественно возникает вопрос: насколько соответствует действительности утверждение нашего источника об участии в этой войне с гуннами древних русов в качестве союзников последних? Как саги, так и опиравшийся на них Саксон Грамматик могли записать в соратники гуннов любое количество народов, однако говорят они именно о русах. Поскольку гунны обитали в степях, а русы Саксона Грамматика жили на берегу моря, может возникнуть мысль, что все это известие о союзе неправдоподобно по чисто географическим соображениям. Однако это не так, и попытка заключения подобного союза против Византии со стороны авар, второй волны азиатских кочевников в Европе, с далекими приморскими племенами была отражена в письменных источниках. В 592 г. император Маврикий возглавил византийское войско, выступившее против авар: «На следующий день телохранителями императора были захвачены три человека, родом славяне... Император (принялся) расспрашивать их, какого они племени, где им выпало жить и почему они оказались в ромейских землях.

Они отвечали, что по племени они славяне и живут у оконечности Западного океана; что хаган отправил послов вплоть до тамошних (племен), чтобы собрать воинские силы, и прельщал старейшин богатыми дарами. Но те, приняв дары, отказали ему в союзе, уверяя, что препятствием для них служит длительность пути, и послали к хагану их, захваченных (императором), с извинениями...»³³ В следующем столетии различные византийские источники фиксируют совместные действия против Константинополя в 626 г. аварских сухопутных сил и славянского флота, причем в последнем Я.Е. Боровский не без оснований видит флот именно русов³⁴. Это показывает, что уже вторая волна азиатских кочевников в войнах стремилась обеспечить себе поддержку морских сил другого народа и, таким образом, в подобном же стремлении их предшественников нет ничего необычного. Если гунны собирались воевать с данами, то союз с другим морским народом, способным отвлечь хотя бы часть сил противника на себя, им тем более был желателен. Указание Приска Панийского о распространении власти Атиллы на «острова на Океане» подтверждает это предположение. Очевидно, что конница гуннов, сколь бы многочисленна она ни была, сама по себе не была страшна жителям островов и привести

³¹ Шувалов П.В. *Pelles sappherinae* и восточный путь. К вопросу о политической истории Балто-Скандии в V–VI вв. // Ладога и Глеб Лебедев. СПб., 2004. С. 95–96.

³² Сулимирский Т. Сарматы. М., 2008. С. 176.

³³ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. М., 1995. С. 15, 17.

³⁴ Боровский Я.Е. Византийские, старославянские и старогрузинские источники о походе русов в VII в. на Царьград // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 118.

их к покорности мог только флот или, по крайней мере, угроза его применения. Тот факт, что применительно к гуннской эпохе «Деяния данов» говорят о русах как о главных противниках данов на море, указывает на то, что, скорее всего, именно благодаря флоту наших далеких предков Агтиле и удалось установить свое владычество над островами Балтийского моря.

Целый ряд моментов в описании Саксоном Грамматиком перепетий этой войны представляет интерес. Как мы могли убедиться, русы в данном фрагменте снова описываются как морской народ, обладающий достаточно большим флотом, численность которого по законам эпического жанра преувеличивается. Из текста неясно, контролировали ли они острова между Данией и Прибалтикой, однако указание на то, что датчане, плывя сражаться с ними, захватили эти острова, позволяет высказать такое предположение. В его пользу свидетельствует и имя второго короля русов, Даго, поскольку такое же название носил второй крупный эстонский остров, расположенный севернее Эзеля. Утверждение автора хроники о том, что «корабли рутенов... плохо управляются из-за высокого расположения гребцов», были неповоротливыми и потому разбиты данами, корабли которых хоть уступали противнику по числу, но зато превосходили их в маневренности, наводит на мысль о том, что флот рутенов состоял в основном из торговых судов, более приспособленных для перевозки людей и грузов, чем для ведения войны. Этот вывод подтверждается и данными языкознания. Именно из славянских языков, а отнюдь не наоборот, скандинавские языки заимствовали такие понятия, как *lodja* (ладья), *torg* (торг), *besman* (безмен), *grans* (граница), *sobel* (соболь), *tolk* (толмач)³⁵. Многие из этих слов относятся к области торговли, а заимствование их произошло довольно рано: «Оба слова: *ее. tulkr* и *turg* принадлежат к числу ранних заимствований: они встречаются в древнейших литературных памятниках»³⁶. Однако влияние славян в этой сфере не ограничилось одними только скандинавскими языками. В результате торговых связей из славянского в литовский язык были заимствованы следующие слова: *turgus* – торгов, *cefte*, *cenis*, *cenus* – цена, *muitas* – мыто, *redas* – ряд, *garadaĩ* – города, *tiilkas* – толк (тълк, переводчик) и др.³⁷ Аналогичную картину мы видим и в другом балтском языке, где лтш. *tĩrgus* означает рынок или торгов. Однако ареал распространения этого слова еще больше. Эст. *turg*, равно как и фин. *turku*, рынок, происходит также от *торг* < *тѣргъ*³⁸, причем в последнем случае от этого же славянского слова происходит и название крупного финского приморского города Турку, что указывает на то, что торговля славян со своими соседями велась не только по суше, но и по морю. На последнее указывает и созвучие названия славян у финно-угров (эст. *Wend*, *Wene*, фин. *Venat*, *Venaja*) с названием ладьи в этих же языках: эст. *wene*, фин. *vene*, *venhe*, куро-лив. *veni*, а также фин. *venheelainen*, *venelainen* – «ладейщик»³⁹. Тот факт, что из четырех крупных языковых общностей, живших на берегах Балтийского моря, три заимствовали само понятие торговли от четвертой, не оставляет никакого сомнения в том, кто именно был ведущей силой в торговле в данном регионе.

При описании распределения земель Фротоном III между подвластными ему королями, Холмгардия (*Holmagardie*), куда он назначил Олимара, напоминает скандинавское название Новгорода Хольмгард. Эта ассоциация усиливается за счет того, что Онев был назначен в Коногардию, по всей видимости, искаженное скандинавское название Киева – Кэнугард. Однако, возможно, здесь имеется позднее перенесение известных скандинавам названий крупнейших городов Древнерусского государства на прибалтийские топонимы, поскольку место с назва-

³⁵ Шаровольский И.В. О славянских заимствованиях в северных германских языках // Изборник Киевский. Киев, 1904. С. 5.

³⁶ Там же. С. 31.

³⁷ Пауцто В. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 249–284.

³⁸ Финский язык // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 71. М., 1993. С. 25.

³⁹ Трусман Ю. Русские элементы в Эстляндии в XIП – XIV вв. // Временник Эстляндской губернии, 1893. Кн. 1. Ревель, 1894. С. 76.

нием Holm известно южнее Риги⁴⁰. В пользу этого предположения говорит и то, что Онев не называется в числе рутенских королей, в то время как другому рутенскому королю Дату, единственному кроме Олимара выжившему в морской битве с данами, поручается Эстония.

Описание великой империи Фротона III от Рейна до Руси, в результате чего Балтийское море фактически превратилось в датское озеро, естественно представляло собой патристический вымысел Саксона Грамматика. На это указывает как сам текст «Деяний данов», так и полное молчание об этой империи других источников. В рассказе о сборе продовольствия говорилось, что Олимар собирал для Фротона III дань в Швеции, другие короли в Норвегии и на Оркадах, однако ничего не говорится, что кто-то из них собирал для датчан эту дань на Руси. Ни о каких заморских владениях данов не вспоминали впоследствии в Средневековье и сами датские конунги, в том числе и известный своими амбициями Годфрид. Утверждение о покорении Руси Саксон Грамматик невольно опровергает сам в своей следующей за описанием войны с гуннами книге. Там хронист отмечает: «После смерти Фротона даны, ошибочно считая, что Фридлав, который воспитывался на Руси (Rusciam), погиб и, следовательно, нет наследника и никого из королевского рода, кому могла бы перейти власть, решили присудить власть достойнейшему, который на похоронах короля пропел бы над свежей могилой песнь в его честь, передавая потомкам в блестящей форме славу деяний усопшего»⁴¹. Сообщение более чем странное, из которого следует, что Фротон своего единственного сына отдал на воспитание правителю Руси, а после его смерти датчане считали этого сына погибшим. Очевидно, что единственного наследника престола, от которого зависит продолжение рода, не отдают на воспитание побежденному врагу, пусть даже последний и сделался вассалом. Понятно, что при малейшем осложнении отношений воспитанник мгновенно превратится в заложника, которым можно будет шантажировать короля-отца. Создается впечатление, что Саксон Грамматик чего-то не договаривает. Нахождение единственного сына Фротона на Руси, скорее всего, может быть объяснено тем, что он действительно находился там в заложниках, почему и считался погибшим. В заложники обычно брали сыновей покоренных правителей, однако наш автор однозначно говорит о победе данов сначала над рутенами, а затем и над гуннами. Не отрицая возможности морской победы датчан, можно высказать предположение, что Фридлав был отдан в заложники отцом в обеспечение соблюдения датчанами заключенного с Олимаром соглашения. Во-первых, как уже отмечалось выше, сражение с гуннами отнюдь не было той эпохальной битвой, как она описана в «Деяниях данов», а локальной победой. Если это было так, то гунны вполне могли вновь собраться с силами и в союзе с русами опять напасть на данов. Для предотвращения возобновления русско-гуннского союза Фротон вполне мог пойти на заключения мира с Русью. Во-вторых, отдельные источники отмечают начавшееся движение русов на запад. В том же труде Саксона Грамматика при описании сухопутной битвы с гуннами упоминаются «три великие реки Руси», запруженные трупами в первый же день сражения. Поскольку битва происходила, скорее всего, где-то относительно недалеко от Дании, а Русь до этого однозначно локализовывалась в Восточной Прибалтике, это упоминание свидетельствует о появлении русов где-то на территории Восточной Германии или сопредельных с нею стран. Совершенно независимо «Деяний данов» немецкие генеалогии говорят о браке короля Алимера с Идой с острова Рюген⁴². С учетом того, что данный остров, как будет показано ниже, впоследствии назывался островом русов, можно предположить, что данный брак также обеспечивал продвижение русов на запад. Следует отметить, что, согласно немецким генеалогиям, уже упоминавшийся выше Радегаст, отправившийся в поход на Рим, вел свою родословную именно от данной пары. В подобных условиях и русы были заинтересованы в нейтралитете

⁴⁰ Baltija... Kurseme un Widseme latweeschu dafē Latweeschu Inrika laika 1200 un wehlaku lihds 1300 P. Riga, 1890.

⁴¹ *Saxonis Grammatici. Gesta Danorum*, Strassburg, 1886. S. 172.

⁴² *Buchholtz. Versuch in der Geschichte Herzogthums Mecklenburg*, Rostock, 1753. S. 40.

датчан, которые могли помешать их продвижению на запад. Все это создавало основания для заключения договора между Олимаром и Фротоном, для обеспечения действенности которого датский король и отдал в заложники своего единственного сына. По этому взаимовыгодному договору в обмен на обещание русов не вступать в новый союз с гуннами даны гарантировали Олимару не препятствовать укреплению позиций русов на западе. Другого правдоподобного объяснения того, почему после победы на море сын датского короля оказывается на воспитании у потерпевшей поражение стороны, не существует. Отметим, что движение русов на запад на Балтийском море наиболее естественным образом объясняет полное молчание о них античных писателей, описывавших события Великого переселения народов.

Эти авторы описывали преимущественно события, происходившие на территории Восточной и Западной Римской империи, а также в приграничных к ним областях, события же на далекой периферии варварского мира зачастую оставались им неизвестными. С другой стороны, датские и немецкие источники хоть и записывались много позже изложенных в них событий, однако сообщают о событиях, происходивших в регионе Балтийского моря. Поскольку они не являются одновременными с описываемыми событиями, их необходимо подвергать критическому анализу и по возможности сопоставлять с другими источниками с целью выявления содержащейся в них достоверной информации.

В очередной раз русы упоминаются Саксоном Грамматиком в связи с подвигами Старктера – своего рода скандинавского Геракла. Как и положено легендарному странствующему герою, он всюду одерживает победы. Покорив многие земли, Старктер вместе со своим другом Бемоном «в стремлении к верховной власти вторглись также на Русь (*tyrannico Rusciam inuasissent*, в английском переводе – *they invaded Russia also in their lust for empire*)»⁴³. Местные жители, мало полагаясь на свои стены и оружие, насыпали на землю острые гвозди, надеясь поранить ступни нападавших, боясь сопротивляться им в открытой борьбе. Однако даны разгадали хитрость и посрамили рутенов. Они прикрепили деревянные подошвы к своим ступням и зашагали по шипам. «Затем, проникнув в непроходимые гористые места и густые леса, они изгнали предводителя рутенов Флокка (*Ruthenorum principem Floccum*) из его лесного убежища, в котором он скрывался. Они завладели там столь богатой добычей, что не было никого, кто ушел бы, не нагрузив флот золотом и серебром»⁴⁴. Хоть друзья и захватили на Руси богатую добычу, однако о том, чтобы они установили там свою власть, к чему первоначально они, если верить хроники, стремились, Саксон Грамматик ничего не сообщает. Во время своего другого похода на восток Старктер победил отважного прославленного воина по имени Висин (*Wisinnus*). Последний поселился на находящейся на Руси скале (*Rusciam garum*), называемой Анафиал (*Anafial*), и терроризировал все окрестные земли. Обладая колдовской способностью затуплять оружие противника своим взглядом, Висин, не страшась ран, похищал жен у знатных мужей и совершал над ними насилие. Слух о его злодеяниях дошел до Старктера, и тот отправился на Русь (*Rusciam*), чтобы уничтожить преступника. Закрыв лезвие своего меча тонкой кожей, чтобы на него не мог упасть взгляд колдуна, датский герой бросил вызов Висину и убил его⁴⁵. Понятно, что точно датировать время жизни эпического героя подчас бывает непросто, тем более что, согласно скандинавской же традиции, Один даровал Старктеру целых три жизни. Тем не менее можно отнести время его жизни к эпохе Великого переселения народов. Во-первых, сам Саксон Грамматик говорит о службе Старктера королю Фротону III, а также о том, что часть своих подвигов герой совершил уже при правлении сына победителя гуннов Фридлава. Во-вторых, уже во «Второй песне о Хельги», входящей в Стар-

⁴³ *Saxonis Grammatici. Gesta Danorum*. Strassburg, 1886. S. 185.

⁴⁴ *Ibid.* S. 185.

⁴⁵ *Ibid.* S. 187.

шую Эдду, упоминается о гибели Старкада, сына конунга Гранмара⁴⁶. Специалисты относят время жизни Хельги, которому посвящена данная песнь, к V в. н. э.⁴⁷

Однако Саксон Грамматик честно отмечает, что не только даны совершали далекие заморские походы на Русь, но и сами страдали от ответных набегов русов. В следующей книге «Деяний данов» он сообщает: «В это время Рот, рутенский морской разбойник (Rotho, Ruthenoram pirate), почти опустошил нашу страну своим грабежом и жестокостью»⁴⁸. Естественно, что те же самые действия, какие со стороны датских конунгов и героев были для создателей саг доблестью и геройством, со стороны русских были для них жестокостью и грабежом. Интересно отметить, что имя Рота перекликается с названием крепости Роталы, упоминаемой в первом рассмотренном нами фрагменте хроники. Кроме того, Саксон Грамматик приводит такую подробность: иногда Рот закреплял правую ногу пленника на земле, а левую привязал к ветвям дерева и разрывал тело несчастного⁴⁹. Эта подробность напоминает нам о способе казни древлянами Игоря, который, согласно сообщению Льва Диакона, «был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое»⁵⁰. Датский принц Хане, желая завоевать почет и славу, попытался напасть на Рота, но был обращен им в бегство. Тогда Боргар, который не мог видеть больше гибель своих соотечественников, встретился с Ротом и пал вместе с ним в битве. В этой же битве был ранен и Хальдан, о котором впоследствии Саксон Грамматик сообщает, что он пришел на помощь русам в их войне со шведами: «Но когда он услышал, что идет яростная война между Альвером, королем Швеции (Alueram Suetie regem), и рутенами (Rutenosque), он немедленно направился на Русь (Rusciam), предлагая помощь местным жителям, и был принят всеми с величайшей честью»⁵¹. Данный фрагмент имеет чрезвычайно важное значение. Дат у Саксона Грамматика нет, но, поскольку история Хальдана рассказывается им в седьмой книге своей хроники, а в предыдущей, шестой книге описывалась война с гуннами, война русов со шведами, в которой принял участие датский воин, явно имела место еще до возникновения Древнерусского государства. Любопытный читатель видит, что шведы и русские-рутены фигурируют в данном тексте как два совершенно различных народа. Очевидно, что датский автор, хорошо зная своих шведских соседей, не стал бы указывать в качестве отдельного народа каких-то шведских «гребцов», решивших воевать с собственным королем. Однако именно этими «гребцами» норманисты пытаются объявить древних русов. Как видим, против норманистской гипотезы о руотси совершенно однозначно свидетельствует сама скандинавская традиция. В связи с Хальданом автор «Деяний данов» добавляет еще одну подробность: находясь после этой войны на Руси (Rusciam), Хальдан узнает от торговцев о предстоящей свадьбе своей возлюбленной, оставшейся в Дании⁵². Данное замечание показывает, что между Русью и Данией в ту давнюю эпоху существовала еще и какая-то торговля, а не только взаимные нападения.

Рассказывая далее о скандинавском конунге Оле, участвовавшем в Бравальской битве, Саксон Грамматик отмечает, что телохранителями ему служило семь королей, к числу которых он относит и Регнальда Рутенского, внука Ратбарта (Regnald Ruthenus, Rathbarthi nepos, английский перевод – Regnald the Russian)⁵³. Имя последнего представляет собой, по всей видимости, искаженное написание славянского имени Ратибор. В качестве правителя Руси он упоминается в более поздней «Саге о Скьёльдунгах». Изложенная в ней родословная, равно как

⁴⁶ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 262–263.

⁴⁷ Там же. С. 683.

⁴⁸ *Saxonis Grammatici. Gesta Danorum*. Strassburg, 1886. S. 241.

⁴⁹ *Ibid.* S. 242.

⁵⁰ *Лев Диакон. История*. М., 1988. С. 57.

⁵¹ *Saxonis Grammatici. Gesta Danorum*. Strassburg, 1886. S. 243.

⁵² *Ibid.* S. 245.

⁵³ *Ibid.* S. 260.

и степень ее достоверности, была рассмотрена нами в исследовании о «римской» генеалогии Рюриковичей. Здесь лишь отметим, что сопоставление этой саги с текстом Саксона Грамматика позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, поскольку Бравальская битва происходила между данами и шведами, то, специально отмечая, что Регнальд был рутеном, Саксон Грамматик в очередной раз недвусмысленно подчеркивает отличие этого народа от скандинавов. Во-вторых, поскольку саги называют деда Регнальда Радбарда конунгом Гардарики, то есть знакомой скандинавам средневековой Руси, то, называя его внука рутеном, автор «Деяний данов», по сути, прямо указывает, что описанные им прибалтийские русы тождественны современному ему русским из Киевской Руси. Следует отметить, что это не единственное отождествление обоих групп русов у данного писателя. Еще В.П. Шушарин отмечал, что сообщение Саксона Грамматика о разграблении торгового флота русов (Ruthenorum) в Шлезвиге датским князем Свеном в 1157 г. можно сопоставить со свидетельствами новгородской летописи о гибели семи людей, возвращавшихся «с Готъ» в 1130 г., о заточении новгородцев датчанами в поруб в 1134 г. и о нападении шведов на возвращавшихся морем купцов в 1142 г.⁵⁴ Таким образом, анализ текста «Деяний данов» показывает, что прибалтийские русы, войны которых с данами в незапамятные времена он описывал, и жители Древней Руси были для Саксона Грамматика одним народом, который обозначался им одним именем.

Однако прежде чем попробовать сделать более общие выводы из данных, содержащихся в «Деяниях данов», следует обратиться к другим источникам, которые могут подтвердить достоверность рассмотренных фрагментов данной хроники. Следует сразу отметить, что другие источники прямо не говорят о русском королевстве в Прибалтике в интересующую нас эпоху. Тем не менее, рассказывая о странствиях готов до начала их появления на Черном море, «Сага о гутах» приводит такое описание их пути: «Отправились они оттуда на один остров близ Эйстланда, который зовется Дате. И поселились там. И построили там крепость, которая все еще видно. И там не могли они себя прокормить. Оттуда отправились они вверх по той реке, что зовется Дюна (Западная Двина. – М.С.). И вверх через Рюцаланд (Ruza land – Русь) так далеко уехали они, что пришли они в Грикланд»⁵⁵. Хотя рукопись саги датируется XIV в., однако специалисты уверены, что сам текст в его нынешней форме был создан в первой четверти XIII в. Несмотря на то что эта сага была записана достаточно поздно и ее составитель мог перенести в текст современные ему географические названия, однако она основана на фольклорном источнике, содержит подробности, отсутствующие у Иордана, и, что достаточно интересно, дает название Руси не в той форме, в которой она встречается в остальных скандинавских памятниках того времени, а через *z*, что соответствует древненемецкой традиции. Из текста саги непонятно, находился ли Рюцаланд непосредственно на Западной Двине или в глубине Восточной Европы, однако в представлении ее создателя Русь существовала в эпоху начала переселения готов на юг, то есть уже в III в. н. э.

Как видим, подлинные скандинавские источники не только опровергают тенденциозные построения норманистов, но и указывают на существование Руси в догуннскую эпоху. Если мы прибавим к ним еще и немецкую сагу о Тидреке Бернском, также говорящую о существовании Руси во времена Аттилы, которая будет рассмотрена ниже, то мы увидим, что германо-скандинавская эпическая традиция совершенно независимо друг от друга и в связи с совершенно разными сюжетами свидетельствует о том, что Русь уже существовала в Восточной Европе в первые века н. э. Понятно, что какой-то один автор сказания мог произвольно перенести современные ему географические и политические реалии в прошлое, однако вероятность этого значительно уменьшается для трех произведений, созданных в разных странах. Поскольку германо-скандинавские племена были ближайшими неславянскими соседями Руси на западе, от

⁵⁴ Шушарин В.П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964. С. 83.

⁵⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 5. М., 2009. С. 185.

этого единодушного свидетельства немецкой саги о Тидрике, датских саг, легших в основу труда Саксона Грамматика, и шведской «Саги о гутах» нельзя просто так отмахнуться.

Глава 2

Венеды, русы, знаки Рюриковичей и славянские боги в средневековой Прибалтике

Когда Саксон Грамматик заканчивал свою хронику, немцы открыли для себя морской путь в Восточную Прибалтику и приступили к покорению этого региона. Богоугодное дело порабощения язычников и обращения их в истинную веру было описано Генрихом Латвийским (1187–1259). Если значительная часть «Деяний данов» была посвящена древним преданиям, то написанная вторым автором «Хроника Ливонии» повествовала о недавно свершившихся событиях, в результате чего рассматривается современными исследователями как гораздо более достоверный источник. При описании событий 1206 г. немецкий хронист для объяснения ситуации в регионе делает небольшой экскурс в прошлое и сообщает читателям: «Венды в то время были бедны и жалки: прогнанные с Винда, реки в Куронии, они жили сначала на Древней Горе, у которой ныне построен город Рига, но оттуда были опять изгнаны курами; многие были убиты, а остальные бежали к лэттам, жили там вместе с ними...»⁵⁶ Из этого отрывка мы узнаем, что где-то по соседству с куршами, то есть там, где, согласно Саксону Грамматику, находилась некогда Прибалтийская Русь, жило племя вендов на реке, названной, по всей видимости, в честь этого племени. Сама эта река также находится недалеко и от мыса Колка-Русбей. Вендами сначала во франкских, а затем и в немецких хрониках традиционно называли славян, и Генрих Латвийский не мог этого не знать. В другом месте своего труда он говорит о мекленбургском князе Генрихе, именуя его «Генрих Борефин, знатный человек из Вентланда»⁵⁷, обозначая последним названием подчиненные датчанам земли западных славян на территории современной Германии. Следовательно, называя так это племя с берегов реки Винда (современная Вента) на территории современной Латвии, Генрих Латвийский указывал на его славянское происхождение. Некоторые прибалтийские археологи пытаются трактовать это племя как балтское, лишь названное по имени данной реки, однако это утверждение идет вразрез как со всей традицией немецкого летописания, так и оставляет без ответа вопрос: почему река в Латвии была названа именем, созвучным названию славян у немцев и финно-угров? Более того, переселившись на новое место, венды основали крепость, которую называли Венден и у которой потом был построен замок немецкого ордена меченосцев⁵⁸. На страницах «Хроники Ливонии» упоминается еще один населенный пункт, носивший название в честь данного племени, – Вендекулле⁵⁹. Как отмечал впоследствии Я. Эндзелинь, в Цесисском уезде существуют названия Vindele, Vindecas, VintieSi, Vindeddzas; в Рижском уезде: Venezis, Vinda; в Валмиерском уезде: Vente, Vindens, Ventere⁶⁰. Подобная настойчивость в наименовании населенных пунктов на новом месте была бы достаточно странной, если бы не река Винда получила название от жившего на ней племени, а, наоборот, сама дала название данному племени. «Вполне очевидно, – отмечает В.В. Седов, – что название города Венден произошло от этнонима венды. Эсты называли его Венолинн, что в переводе означает “город вендов”. Старый замок вендов отождествляется некоторыми исследователями с городищем Риекстукалнс и Цесисе. В «Хронике Ливонии» упоминается еще Wendeculla, в документе 1388 – Wendeculle, т. е. в буквальном переводе “деревня (или селение) вендов”. Исследователи обычно локали-

⁵⁶ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М. – Л., 1938. С. 94.

⁵⁷ Там же. С. 178, 301, примеч. 186.

⁵⁸ Там же. С. 286.

⁵⁹ Там же. С. 131.

⁶⁰ Endzelins J. Latvijas vietu vardi. 1. d. Vidzemes vardi. Rīga, 1922. P. 17, 24, 30, 83, 88, 109, 111.

зуют это поселение в окрестностях Турайды, где в более поздних источниках упоминаются еще топонимы *Ventas* и *Wending*.

Таким образом, есть все основания считать, что в начале XIII века остатки вендов проживали в бассейне Гауи в окрестностях Вендена-Цесиса и Турайды. Вместе с тем не подлежит сомнению, что первоначально областью их расселения был регион реки Венты. В источниках под 1253 г. называется “земля Винда”, которая надежно локализована была еще А. Биленштейном в низовьях Венты. В этой связи допустимо предположение, что венды проживали здесь не только до переселения основной массы их на берега Даугавы, потом Гауи, но и позднее. По-видимому, какая-то часть вендов осталась в низовьях Венты, образуя в XIII веке отдельную небольшую историческую область – “землю Винда”. Еще в XIX веке этнографическая группа латышей, проживавшая как раз в этом регионе Северной Курземе, именовалась “вентинами”⁶¹. Окончательно устраняют все сомнения данные топонимики и гидронимии. «Название притоков Венты – Луша, Жижма, Шеркшня, Вардава – звучат по-славянски», – подчеркивал Д.К. Зеленин. Этот же ученый обратил внимание на то, что и в названии Западной Двины, главной водной артерии Латвии, также звучит славянский корень, а само это название находит разительную аналогию в Северной Двине в зоне новгородской колонизации. Говоря о названии реки, на которой первоначально жили венды, он отмечает: «Есть основания полагать, что и имя р. Вента (Виндава) в Курляндии, при устье которой расположен основанный в 1343 г. Вентс-пильс (Виндава), также связано с именем вендов, т. е. балтийских славян. Во всяком случае, местные предания и саги часто вспоминают о прежнем “вендском” населении этого края»⁶². Рассматривая другие заимствования из славянского языка в латвийской гидронимии и микро-топонимии, В.Ф. Дамбе отмечает: «Также интересно отметить, что онимы в западной части Латвии, особенно в Курземе, иногда ближе к западославянским, см., напр., корни *kal-*, *lang-*, *talk-* и др.»⁶³. Следы славянского влияния в восточной части Латвии легко объясняются многовековым соседством с Русью, однако это объяснение не подходит ее западной части, никогда не бывшей зоной интенсивных русско-латышских контактов. Тем более неожиданной оказывается близость отмеченных корней не к восточно-, а к западославянским языкам. И эти примеры далеко не единственны. Опять-таки в Курземе, в юго-западной ее части, зафиксировано название города *Gruobina*, связанное с рус. *граб*, *грабима*, полаб. *grobe*; на западе Латвии встречаются озера с названиями *Kvicu*, *Kvicu ezeri*, родники *Kvices avuoti* и др., лежащий в их основе корень – *kvic(i)* – происходит от глагола *kvitet*, «мерцать, блестеть», и связан с рус. *цвести*, др. – чеш. *kvisti*. В западной части, главным образом в Курземе, часто встречаются микро-топонимы *Puosa*, *Puocas* и т. п. в названиях хуторов, болот, горok и долин, а корень – *puos-/puosc-* оказывается родственен др. – рус. *пуца*, чеш. *roust*, «глухое, пустынное место». Вновь в основном в Курземе отмечены хутора с названиями *Remess*, *Remesi* и т. д., производными от рус. *ремесло*, ст. – слав. *remъstvo*; в Курземе и Земгалии известны озеро *Malkas ezeri* и болотистый луг *Malkas purvs*, названия которых сопоставляются со словен. *mlaka*, «болото, мокрый луг», серб. – хор. *mleo*, «лу́жа, болото», словен. *mlaka*, «лу́жа», укр. *mloka*, «болото»⁶⁴. Опять-таки к славянскому языку восходит название Бреславль (*Breslau*) в Курляндии⁶⁵. Как видим, названия местностей и водных источников фиксируют достаточно интенсивные контакты между куршами и какими-то славянами в западной части Латвии.

⁶¹ Седов В.В. Очерки по археологии славян. МЛ, 1994. С. 68–69.

⁶² Там же. С. 87.

⁶³ Дамбе В.Ф. Славянские следы в латвийской гидронимии и микро-топонимии // Балто-славянские исследования, 1980. М., 1981. С. 161.

⁶⁴ Там же. С. 159–160.

⁶⁵ Харузин Н. Обзор доисторической археологии Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерний по трудам местных исследователей // Временник Эстляндской губернии, 1893. Кн. 1. Ревель, 1894. С. 230.

Однако славянское влияние в указанном регионе этим не ограничивается. Литовский языковед К. Буга отмечал, что само название куршей, *kursas*, связано с укр. *корс*, «раскорчеванный участок»⁶⁶. Показательно, что это не единственный пример славянского влияния на сельскохозяйственную терминологию в данном регионе Латвии. Так, куршское областное слово *lanka*, «приречный или низкий луг», отразившееся в названии лугов, речек и хуторов *Lanka*, *Lankas*, *Lankis*, *Lancenieki* на западе Латвии, восходит к ст. – слав. *лакь*⁶⁷. Лингвисты отмечают наличие и особых славяно-латгалско-селоно-куронских изолексов⁶⁸. Славянское влияние на куршей прослеживается и в трансформации погребального обряда последних. «Вскоре традиционный для куршей обряд трупоположения начинает вытесняться новым ритуалом кремации умерших, что было весьма характерно для славянского мира дохристианской поры. Новая обрядность сначала появляется в северных районах обитания куршей (в бассейне Венты и в смежных землях). (...) И все же можно полагать, импульсом в распространении обряда кремации среди куршского населения была обрядность славян-венедов-вендов. Иного объяснения пока нет»⁶⁹, – заключает рассмотрение данной темы В.В. Седов. Отмечая трудность выделения прибалтийских славян, материальная культура которых в свою очередь испытывала сильное влияние со стороны соседних балтских и финно-угорских племен, этот исследователь обратил внимание на еще одну специфическую особенность, встречающуюся во всех трех регионах, где проживание вендов отмечают письменные источники: «В поисках следов расселения вендов следует обратить внимание на распространение чуждого местному населению курганного обряда, зафиксированного во всех трех регионах проживания этого этноса – в Северной Курземе, на нижней Даугаве в окрестностях Даугмале, на Гае в районе Венден и Турайды. Основными погребальными памятниками придауговских и гауяских ливов, так же как и латгалов, являются фунтовые могильники. Появление среди них курганных захоронений до сих пор не находило какого-либо объяснения. (...) В общем эти курганы, как и могилы в целом, абсолютно ничем не отличаются от славянских курганных памятников, распространенных как на Русской равнине, так и в западославянском ареале. (...) Интересно, что местное население еще в XIX в. называло эти курганные могильники “*krievu kapu*”, т. е. “русскими могильниками”»⁷⁰. В связи с этой особенностью следует вспомнить и о кургане, насыпанным, согласно Саксону Грамматику, над могилой Боя. Это свидетельство датского хрониста говорит о том, что данный погребальный обряд был свойствен и Прибалтийской Руси.

Суммируя средневековые данные, связанные с латвийскими вендами, Н. Харузин пишет: «Писатели XIII в. еще упоминают о целом ряде местностей в западной части современной Курляндской губернии, где жили балтийские славяне. Они называют следующие местности: Винда, Бихафеланк, Виндаве, Довзаре, Заггара, Цеклис, Пильзатен и Мекгове, из городищ балтийских славян упоминаются следующие: Кретен, Ампилен, Мутене, Грезен, Амботен, Гробен, Ассобетен, Кульдика и Вентеспилс»⁷¹

⁶⁶ Buga K. *Kalb ir senove*. 1. Kaunas, Svetimo Min. leidinys, 1922. T. 1. P. 210.

⁶⁷ Дамбе В.Ф. Славянские следы в латвийской гидронимии и микротопонимии // Балто-славянские исследования, 1980. М., 1981. С. 158.

⁶⁸ Брейдак А.Б. Древнейшие латгалско-селоно-славянские языковые связи // Балто-славянские исследования, 1980. М., 1981. С. 44–45.

⁶⁹ Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 77.

⁷⁰ Там же. С. 82, 85.

⁷¹ Харузин Н. Обзор доисторической археологии Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерний по трудам местных исследователей // Временник Эстляндской губернии, 1893. Кн. 1. Ревель, 1894. С. 229.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.